

ПРОРОЧЕСТВО ФАВНА В ПЕРВОЙ БУКОЛИКЕ КАЛЬПУРНИЯ (ст. 33–88)

Первую буколику Кальпурния Сицилийского, поэта нероновского времени¹, можно определить как произведение профетическое. Основную часть буколики (I, 33–88) занимает пророчество бога Фавна, вырезанное им на коре бука и явленное двум пастухам — братьям Орниту и Коридону.

Надпись на буке предвещает приход Золотого века. Сначала говорится о том, что он принесет сельским жителям: в целом это сводится к безопасности от воров. Но затем подход автора становится более глобальным, он переходит к политическим темам, и со стиха 42 начинается предсказание о судьбе Рима в государственном масштабе: отсутствие войн (особый акцент делается на отсутствии внутренних войн), восстановление законов, уверенность римских граждан в своей личной безопасности. Наступление благоденствия

¹ Начиная с М. Хаупта, — обосновавшего в 1854 г. принадлежность Кальпурнию только первых семи буколик, а не одиннадцати, как считалось ранее, — отнесение Кальпурния ко времени Нерона традиционное. Однако приходится признать, что эта точка зрения не бесспорна. Не раз из-за датировки вспыхивала полемика. Так, в 80-е годы XX в. поводом к ней послужила статья Э. Чамплина, относящая Кальпурния ко времени Александра Севера (*Champlin E. The Life and Times of Calpurnius Siculus // The Journal of Roman Studies. 1978. Vol. 68. P. 95–110*). Ответом на нее были работы Г. Тауненда (*Townend G. B. Calpurnius Siculus and the Munus Neronis // The Journal of Roman Studies. 1980. Vol. 70. P. 166–174*) и Р. Майера (*Mayer R. Calpurnius Siculus: Technique and Date // The Journal of Roman Studies. 1980. Vol. 70. P. 175–176*), которые считают, что Кальпурний может быть автором только I в. и никак иначе. Тем не менее точка зрения Э. Чамплина в той или иной мере вызвала поддержку некоторых исследователей: *Armstrong D. Stylistics and the Date of Calpurnius Siculus // Philologus. 1986. Bd 130. S. 113–136*; *Horsfall N. Cleaning up Calpurnius // The Classical Review. New Series. 1993. Vol. 43, No 2. P. 267–270*. Н. Хорсфолл не спорит с тем, что «Буколики» Кальпурния намеренно полны деталей, относящихся именно к эпохе Нерона (С. 270), но ставит вопрос — без ответа — о времени деятельности автора, исключая I в. Даже сейчас многие исследователи избегают давать окончательный ответ на вопрос о датировке. Недавно издавшая трактат Сенеки С. Браунд пишет, что дискуссия продолжается (*Seneca. De Clementia / ed. with text, translation and commentary by S. Braund. Oxford, 2009. P. 12*), однако сама она рассматривает политические буколики Кальпурния в свете правления Нерона.

объясняется приходом к власти некоего могущественного бога, по-видимому, речь идет о Нероне в начале его правления.

Почему именно Фавн, сельское божество, пророчит о таких важных вещах, которые касаются не только пастухов? В чем своеобразие предсказания Фавна у Кальпурния? Мы попытаемся найти ответ на эти вопросы. Мы рассмотрим также некоторые особенности, отличающие первую буколику Кальпурния от четвертой эклоги Вергилия, произведения того же, пророческого, жанра, с которой ее часто сравнивают. Кроме того, мы уделим внимание некоторым сложным для интерпретации местам пророчества.

У Кальпурния обращает на себя внимание характеристика надписи, с которой она вводится в повествование. Орнит, первым прочитавший начало надписи на буке, охарактеризовал ее следующим образом (I, 28–30):

Non pastor, non haec triviali more viator,
sed deus ipse canit; nihil armentale resultat,
non montana sacros distinguunt iubila versus²

‘Не пастух, не путник, каких много ходит, но сам бог возвещает это: [оно] не отдает ничем пастушеским, и горные клики не вмешиваются в священные стихи’

Орнит знакомится с пророческими стихами, оставленными Фавном, не на слух, но визуально. Тем не менее эти стихи он описывает так, словно слышит, а не видит их в написанном виде. Слова «canit», «resultat», «iubila»³ предполагают слуховое восприятие. Мы бы ожидали, что Орнит обратит внимание прежде всего именно на графические свойства надписи, на то, что можно увидеть глазами, чтобы показать ее божественное происхождение. Но внешняя особенность надписи заключается лишь в том, что она абсолютно свежая — надрезы еще не успели подсохнуть (I, 22–23). Зато наделение надписи голосом оживляет ее, практически уравнивает ее с божественным автором, Фавном. В стихах 89–90 Коридон, услышавший содержание надписи, говорит, что испытывает потрясение, словно от встречи с самим божеством, хотя на протяжении всей буколики

² Здесь и далее «Буколики» Кальпурния цит. по изд.: *Calpurnius Siculus. Bucoliques. Pseudo-Calpurnius. Eloge de Pison / texte ét. et trad. par J. Amat. Paris, 1991.*

³ Об особенностях слова «iubilum» см.: *Sedgwick W. B. Jubilum // The Classical Review. 1947. Vol. 61, No 2. P. 48–49.*

пастухи непосредственно с Фавном не общаются. Таким образом, надпись на буке выступает для Коридона и Орнита как воплощение самого вещего бога. Она уподобляется самостоятельному персонажу, наделенному речью.

Кальпурний отличается от своих предшественников в описании получения пророчества, ведь прежде было известно, что Фавн открывал будущее либо во сне (Verg. A. VII, 81 sqq.), либо бестелесным голосом (Cic. N. D. II, 6; III, 15; Div. I, 45, 101; Dion. Hal. V, 16, 2–3⁴). Обилие слов, описывающих надпись с точки зрения звучания, возможно, вытекает из представления, что Фавн в общении с человеком являл себя в виде голосов.

Интересно, что Фавн должен был пророчить сатурнийским стихом (Enn. Ann. VII, 214 Vahl.), что, конечно же, не соблюдается уже ни у Горация⁵, ни у Вергилия (A. VII, 96 sqq.).

Надпись с пророчеством определяет композицию первой буколки. Стихотворение можно поделить на две части: до стиха 20, где впервые говорится, что на буке что-то написано, и после. Границы надписи осознаются еще отчетливее. Она вырывается из общего буколического контекста, обладая автономностью. Вставные истории с самостоятельным сюжетом не редкость для века Нерона, вспомним хотя бы «Сатирикон» Петрония (например, вставная новелла, рассказанная Эвмолпом, «О целомудренной эфесской матроне» — CXI–CXII). Но, как правило, это устный рассказ, в то время как у Кальпурния в центре произведения написанный текст. Поэт предлагает нам в пределах одного произведения два текста: один

⁴ Тит Ливий, описывая те же события, говорит о голосе Сильвана (II, 7, 2): *ingentem editam vocem, Silvani vocem eam creditam*.

⁵ Стихи Горация (Hor. Carm. I, 4, 12–13), написанные третьей Архилоховой строфой, Ч. Бэбкок считает собственными словами из пророчества Фавна. Исследователь пишет, что у Горация не может быть и речи о прямом подражании сатурнову метру. Поэт придает архаичности, с которой ассоциируют сатурнов стих, посредством таких штрихов, как в целом несвойственная для его творчества ономастопея *p*, *t*, *d*, *b* (*Babcock Ch. L. The Role of Faunus in Horace. Carmina 1. 4 // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1961. Vol. 92. P. 18–19*). Здесь еще следует добавить, что такую метрику, Архилохову строфу, Гораций использует лишь в этой оде, возможно, с той же целью — для маркирования, которым были бы выделены слова Фавна, если бы были изложены сатурновым стихом. У Кальпурния в предсказании Фавна ономастопея также встречается: в стихах 80–81 намеренно повторяются *s* и *t*, имитируя шипение и треск искрящейся кометы.

традиционный, буколический в прямом смысле слова, и текст-пророчество с политическим содержанием, представленный в форме надписи, по отношению к которому первый текст выполняет служебную роль: фиксирует внимание на смысловом ядре — тексте-пророчестве. Если в первом тексте изъятие надписи повлекло бы ощутимую купюру, то текст-пророчество мог бы составить содержание отдельного произведения и в целом без потерь для понимания. Но оба текста важны и представляют собой единое художественное целое.

Конечно, надписи играют немаловажную роль в произведениях и других античных авторов. Но у них, в отличие от Кальпурния, надписи — не полновесный структурный элемент произведения и несут иной характер с точки зрения тематики. Короткая фраза, написанная на яблоке, — двигатель сюжета в истории Аконтия и Кидиппы (Callim. Aet. III, fr. 67–75; Ov. Ep. XX, XXI; Aristaenet. Ep. I, 10). Надпись «Прекраснейшей» (ἡ καλλὴ λαβέτω — Lucian. DMar. VII (V), 301) послужила поводом к Троянской войне. Яблоко, как плод, посвященный богине любви, вызывало соответствующие ассоциации (яблоко как символ любви — Theoc. V, 88; Ov. Met. X, 664 sqq.; Ep. XXI, 126). У Кальпурния же тематика надписи далека от любовной.

Мотив вырезания стихов на дереве встречается у Вергилия (Ecl. V, 13–14; X, 53–54), именно этой литературной традиции и следовал Кальпурний, но сами надписи у Вергилия не цитируются, и можно с уверенностью предположить, что их содержание не выходит за пределы любовно-пастушеской тематики.

Итак, особенность вставного текста у Кальпурния заключается в том, что, во-первых, этот текст письменный, во-вторых, его объем занимает большую часть стихотворения, а, в-третьих, в содержательном плане этот текст — центральный. Подобный прием станет обычным только в литературе XX в. Для античной же литературы этот пример если не единственный, то явно редкий. Автор как бы отстраняется от своего творения: истинный творец — бог Фавн, он порождает этот текст, который обретает существование на коре бука, его читают простоватые пастухи, которые должны его распространить. Здесь есть аллюзия на творческий процесс поэта в целом: вдохновение, полученное от высших сил и воплощенное в стихах поэта, разлетается по миру.

Для персонажей Кальпурниевой буколики явление надписи с пророчеством совершенно неожиданно: они просто искали тени в знойный день и собирались заняться пением и игрой на свирели. Однако найдя тень, они обнаружили необычную надпись. Стих 20 «*Sed quaenam sacra descripta est pagina fago*», в котором впервые упоминается надпись, состоит почти из одних спондеев. Замедление ритма повествования задерживает внимание читателя (слушателя), словно предвещая всю новизну и важность последующего содержания.

Итак, пастухи у Кальпурния получают это пророчество случайно. Но насколько случайно? Соприкосновение пастухов Кальпурния с божеством — скорее закономерность, чем неожиданность, автор постепенно подводит к этому. Во-первых, пастухи целенаправленно идут в рощу близ пещеры Фавна⁶. Во-вторых, у Кальпурния в преобразованной художественной форме мы имеем отголоски реально существовавшего обряда получения предсказания от этого лесного божества. Частью обряда было любовное воздержание и использование ветвей священного бука (*Ov. Fast. IV, 656–657*). В буколике у Кальпурния, в части, предшествовавшей появлению надписи, упоминаются и любовное воздержание, и священный бук: Коридон говорит, что святилища Фавна ему открыты, поскольку его возлюбленная Левка отказывает ему в ночных радостях (*I, 13–15*), а пророчество вырезано именно на буре.

Если считать Фавна и Пана одним и тем же божеством, а мы полагаем свидетельствами бытования подобного мнения (напр.: *Hor. Carm. XVII, 1–2*), то возникающее в стихе 18 имя мастера, сделавшего свирель для Коридона, Ладон, возможно, опять же отправляет нас в круг мифов, связанных с этим античным Лешим. Как известно из «*Метаморфоз*» Овидия (*I, 689–712*), Ладон — название аркадской реки, у которой нимфа Сиринга, спасаясь от Пана (Фавна), превратилась в тростник. Однако у Кальпурния в четвертой буколике греческий Пан и римский Фавн не отождествляются,

⁶ Известны два места, где давались оракулы Фавна. Одно близ Тибра в Альбунейском лесу у одноименных источников, другое на Авентине (*Smith W. Dictionary of Greek and Roman Antiquities. Boston, 1870. P. 842*).

а упоминаются в одной фразе как два близких, но тем не менее различных божества (IV, 132–134)⁷.

Текст пророчества у Кальпурния начинается с представления автора и определения адресатов (I, 33 sqq.):

Qui iuga, qui silvas tueor, satus aethere Faunus,
haec populis ventura cano <...>
Vos o praecipue nemorum gaudete coloni,
vos populi gaudete mei.

‘Я, который оберегает стада, леса, — посев неба, Фавн, возвещаю, что следующее придет к народам... Вы, о жители рощ, радуйтесь в особенности, вы, мой народ, радуйтесь!’

Здесь стоит вспомнить славословие Вергилия сельским жителям (G. II, 473–474):

...Extrema per illos
Iustitia excedens terris vestigia fecit.

‘Меж ними Правда, покидая землю, запечатлела свой последний след’

А у Кальпурния именно им первым выпала честь узнать о наступлении нового Золотого века.

Божество представляется как «satus aethere Faunus» (I, 33). Эти, на первый взгляд, напыщенные стихи оправданы контекстом. Здесь столь пышное метонимическое выражение служит эпиклезой богу, а потому должно звучать как можно торжественнее. Как, например, в эпосе и в гимне Афина выступает с эпитетом «дочь эгидодержавного Зевса» (κόβρη Διὸς αἰγυόχοιο — Od. XIII, 252; 371; Διὸς τέκος αἰγυόχοιο — h. 28, 17 Loeb), так Фавн — «satus aethere». Кроме того, у Овидия и Вергилия слово «satus» — обычный заместитель для «сын» (напр., Ov. Met. I, 82: satus Iapeto; 751: Sole satus; Verg. A. IV, 198: Hammone satus; V, 244; VI, 331; VII, 152: satus Anchisa). Но здесь такое самоопределение Фавна, божества низшего порядка, очень важно для демонстрации его связи с Золотым веком.

Пророчество у Кальпурния изрекается не кем иным, как Фавном, по ряду причин.

⁷ У Вергилия словами (G. I, 10–11) «Fauni», (G. I, 16–17) «Lycæi Pan», (G. I, 20) «Silvane» называются отдельные божества.

1. Поскольку первыми адресатами пророчества выступают пастухи, наиболее естественно, что в контакт с ними вступает именно сельское божество, каким и есть этот бог.

2. В римской традиции именно оракул Фавна пользовался особым почитанием⁸.

3. По мифологической генеалогии Фавн — внук Сатурна (Verg. A. VII, 47–49), т. е. имеет непосредственное отношение к божеству, легендарное правление которого воплощает собой эпоху блаженной жизни — Золотой век⁹.

4. В седьмой книге «Энеиды» именно оракул Фавна открывает будущее латинян (VII, 96–101).

Следуя за своим кумиром Вергилием, Кальпурний то и дело вступает с ним в соревнование¹⁰. Изредка это проявляется робко. Если Вергилий включает в свои «Буколики» пророчество кумской Сивиллы (IV, 4), то Кальпурний — пророчество Фавна. Но здесь еще нет открытого противопоставления, ведь Фавн также предсказывал будущее у того же Вергилия (только в «Энеиде», а не в «Буколиках»).

Иногда же это уже серьезное соперничество¹¹.

⁸ Если в Древней Греции многие боги были способны приоткрывать завесу будущего, а самыми распространенными и авторитетными были оракулы Аполлона и Зевса, то у римлян их собственных оракулов было всего три — Фавн, Фортуна и Марс. Причем первые два упоминаются значительно чаще последнего (Smith W. Dictionary of Greek... P. 842–843).

⁹ Существуют и другие версии происхождения Фавна. Дионисий Галикарнасский в «Римских древностях» говорит о нем как о потомке Ареса (I, 31, 2): Ἄρεος ὄψ φασι τὸν ἄλφουονος. Аппиан Александрийский в «Римской истории» также называет Фавна сыном Ареса (I, 1): Φαῦνος ὁ τοῦ Ἄρεως.

¹⁰ Н. Слейтер (Slater N. Calpurnius and the Anxiety of Vergilian Influence: Eclogue I // Syllecta Classica. 1994. No 5. P. 71–78) дает аллегорическое толкование ситуации, в которой оказались пастухи Кальпурния, обнаружив свежую надпись с пророчеством Фавна. С Кальпурнием, по Н. Слейтеру, произошло то же самое: он пришел туда, где кто-то побывал до него, а именно Вергилий, создавший латинскую пасторальную поэзию. А бук, содержащий столь обширную надпись, — это символ тесного пространства, на котором мог творить поэт, рискнувший взяться за буколический жанр после Вергилия. В стихах Кальпурния I, 92–93 Н. Слейтер видит мечту поэта создать стихи, которые войдут в устную поэтическую культуру, как буколики Вергилия, получившие вторую жизнь в адаптациях к сценическим постановкам.

¹¹ Первую буколику Кальпурния Б. Фонтенель ставил даже выше четвертой экологии Вергилия (Альбрехт М., фон. История римской литературы: в 3 т. / пер. с нем. А. И. Любжина. Т. 2. М., 2004. С. 1084).

Кальпурний говорит о том, что зависит не от сверхъестественных сил, а от самих людей, воли правителя, силы законов. Даже ночной вор у него не волк, как можно подумать сначала, а человек (I, 40–41). Ведь волка не заставить дружить с овцами. Совсем не так, как у Вергилия в четвертой эклоге, где скот больше не будет бояться грозных львов (Ecl. IV, 22), и в пятой буколике, тоже описывающей некоторые черты, свойственные Золотому веку, где ‘волк скоту не будет замышлять засады’ (Ecl. V, 60–61).

Вергилий говорит, что, хотя среди людей не исчезнут следы преступления (Ecl. IV, 31), в царстве животных и растений наступит полная гармония (Ecl. IV, 18–25), и все в его Золотом веке служит человеку по своей воле (как самоукрашивающиеся бараны — Ecl. IV, 43–45) и, видимо, без ущерба для себя (почва не будет страдать от мотыг, виноградник от садового ножа, волю не будут пахать — Ecl. IV, 40–41). Кальпурний же ничего не говорит о грядущих изменениях в природе. У Кальпурния гораздо меньше сказочности. Пророчество из его первой буколики, оставаясь утопическим, значительно ближе к жизни, чем пророчество из четвертой буколики Вергилия.

Так предсказание Кальпурниева Фавна представляет собой политическую программу Нерона, изложенную им при вступлении в должность императора в 54 г.: справедливость (Themis — Calp. I, 44), мир (pax — Calp. I, 54) и спокойствие (quies — Calp. I, 63), милосердие (clementia — Calp. I, 59), законность (ius — Calp. I, 72). Эта программа упоминается историками — у Тацита (Ann. XIII, 4) и Светония (Nero 10) — и отражает идеи Неронова наставника Сенеки, особенно из его трактата «De Clementia», призывающего монарха к мудрости и добродетели, правосудию и милосердию¹².

В этих стихах (I, 33–88) отчасти описано то, что имело место на практике; но по большей части они направлены в будущее, вобрав в себя надежды Кальпурния как человека, желающего изменения мира к лучшему в целом, как гражданина, переживающего за свое отечество, и как потенциального, а возможно, и реального придворного. Эти стихи одновременно и своего рода программа,

¹² Попытку исторической трактовки пророчества Фавна предпринял Т. Уайзмен; см.: Wiseman T. P. Calpurnius Siculus and the Claudian Civil War // The Journal of Roman Studies. 1982. Vol. 72. P. 57–67.

в которой поэт показывает, каким бы хотели видеть правителя его подданные.

Известно, что пророчества не отличались ясностью и однозначностью. Двусмысленность прорицания лидийскому царю Крезу во время его войны с Персией вошла в легенды (Her. I, 53): Κροῖσος □ Ἄλυν διαβὰς μεγάλην ἀρχὴν καταλύσει ‘Крез, перейдя Галис, ты погубишь великое царство’. Цицерон цитирует «Анналы» Энния, приводя не менее известный ответ оракула эпирскому царю Пирру (Div. II, 56, 116): *aīio te, Aeacida, Romanos vincere posse*.

Так и стихи 84–88, завершающие пророчество Фавна, весьма туманны:

*Scilicet ipse deus Romanae pondera molis
fortibus excipiet sic inconcussa lacertis,
ut neque translati sonitu fragor intonet orbis
nec prius ex meritis defunctos Roma penates
censeat, occasus nisi cum respexerit ortus.*

Издатели Кальпурния (Ч. Кин¹³, Дж. Дафф и А. Дафф¹⁴, Ж. Ама и др.) соглашаются с тем, что основная идея этого пассажа заключается в непрерывности династии, залоге мирной жизни, и связывают эти стихи с тем, что одним из первых постановлений Нерона был указ об обожествлении Клавдия. И так же единогласно исследователи признают трудность этой фразы, говорят о многочисленных возможностях толкования, и переводят ее, не проясняя смысла.

Мы встречаем здесь свойственную пророчествам путаницу прямого дополнения с именной частью сказуемого, субъекта и объекта. Отсюда варианты: *Roma censeat defunctos* ‘пенатами’ или *penates* ‘умершими’. И остается загадкой: смотрит ли закат на восход или, наоборот, восход на закат. Более того, не совсем понятно, что обозначают «*occasus*» и «*ortus*» в этом контексте: это действительно стороны света или метонимическое обозначение конца и начала правления, т. е. прежнего и нового императоров. Если это стороны света, то эту фразу можно рассматривать как ἄδύνατα (cf. Verg. Ecl. VIII, 26–28): если только запад не окажется на востоке (а восток со-

¹³ *Calpurnius Siculus. The Eclogues* / ed. with introd. and comm. by C. H. Keene. London, 1887 (= 1996).

¹⁴ *Minor Latin Poets* / with an English transl. by J. W. Duff, A. M. Duff. Cambridge (Mass.); London, 1982.

ответственно на западе), т. е. разве что мир перевернется, разве что случится невозможное.

У Геродиана есть интересное определение апофеоза у римлян. Он пишет (IV, 2): Ἦθος γάρ ἐστι Ρωμαίους ἐκθειάζειν βασιλέων τοὺς ἐπὶ παλίοι διαδόχοις τελευτήσαντας· τὴν τε τοιαύτην τιμὴν ἀποθέωσιν καλοῦσι ‘У римлян есть обычай обожествлять тех из императоров, кто умер, оставив наследников; и этот обычай они называют апофеозом’. Итак, по Геродиану, наличие наследников — необходимое условие апофеоза (в римском варианте — consecratio, deificatio). По официальной версии, благодаря стараниям Агриппины Нерон (ortus) считался законным наследником Клавдия (occasus), поэтому Клавдий полностью заслуживал апофеоза (ex meritis). При всем множестве возможных смыслов, задуманных автором, учитывая придворную ориентацию Кальпурния, основным, скорее всего, будет следующий смысл:

‘Конечно, сам бог возьмет на свои сильные плечи груз Римской мощи (т. е. груз Римской империи), столь непоколебимой, что при передаче власти не раздастся раскатистого грома (т. е. не будет волнений, обычных в такой ситуации; что это не принесет потрясений), и Рим только тогда постановит причислить умерших к пенатам заслуженно, когда закат одного правления позаботится, [уходя,] о рассвете нового’¹⁵

Пророчество Фавна придает жанровое своеобразие первой буколике, а также дает установку на политическое содержание буколического сборника в целом. Политические мотивы возникают еще в двух буколиках: центральной — четвертой и завершающей сборник — седьмой, таким образом политические буколики Кальпурния оформляют симметрию сборника.

Первая буколика, отличаясь тематическими и композиционными особенностями, выпадает из общего представления о буколическом жанре. Однако, о чем бы ни шла речь у поэта, полностью он никогда не теряет связи с пасторальным миром: о политической судьбе Рима у него говорит сельский Фавн устами пастуха.

¹⁵ Обзор различных вариантов перевода этих стихов см.: Küppers J. Die Faunus-Propheteiung in der 1. Ekloge des Calpurnius Siculus // Hermes. Stuttgart. 1985. Bd 113, Hft 3. S. 359–361.